

АРТЁМ ГАБРИЕЛОВ

**НЕНУЖНЫЕ
ВЕЩИ**

РАССКАЗ

Артём Михайлович Габриелов

Ненужные вещи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69765208

SelfPub; 2023

Аннотация

Американский Юг, 18** годы. Богатый плантатор едет добровольцем на войну. Вскоре он гибнет, а домой из армии приходит посылка с его личными вещами: бритвой, трубкой, часами и фалангой пальца. Для его вдовы и троих сыновей эти вещи становятся почти священными. А дальше начинается мрак, потому что предметы начинают влиять на них. На каждого – по-своему.

Артём Габриелов

Ненужные вещи

Да, эт правду говорят, что Билли Каннингем содрал себе с лица всю кожу бритвой. Чистая правда, миста, я тому свидетель.

Только вы и половины не знаете, чего тут у нас творилось. С нашим братом мало охотников поболтать, но вы, кажись, без предрассудков, миста – так выслушайте. Я расскажу всё без прикрас и кратко, да ещё с моралью в конце, не хуже, чем в басенке. Солнце высоко, настоечка ваша смерть как хороша, да и неплохо бы мне передохнуть, уже не мальчик.

Записывать будете, миста? Для книжки, что ли? А пожалуйста, не возражаю.

Ну, так эт всё со старшего Каннингема началось – хозяин наш бывший, Джозеф Каннингем. Он тогда был на плантации главный.

А вы, миста, хоть не тутошный, но всяко слышали о том Каннингеме, который Роджер. Слышали, точно говорю. Эт который ещё ногу свою похоронил. Неужто не знаете?

Ногу ему на прошлой войне ядром оторвало по самый огузок. Так этот строптивец не поленился, сберёг её, привёз домой и велел схоронить со всеми почестями. Да! Что вы! Тот ещё был балаган! Спросите меня, миста, так я вам прямо ска-

жу: не всякий покойник того заслуживает, чтобы отвлекать людей от дел и битый час читать им жалостливые стишки из Библии – не всякий цельный покойник, а тут нога, отдельная! Ну такой вот был человек, ничего не попишешь.

Да. А Джозеф Каннингем, наш бывший хозяин, он, стал быть, его сынок.

А когда, значит, затеяли эту новую войну, тут по всей округе стали колесить рукретёры – эт которые в армию людей рукретируют, ну. Их воля, они бы и меня внесли в списки – страсть как любят людей в списки вносить, да только какой от старика толк на войне, если только он, скажем, не дохтур. А вот многих молодых с плантации забрали.

Мы, конечно, ждали, что сам-то хозяин ни на какую войну не поедет, откупится – с его-то деньжищами он мог хоть от дюжины рукретёров откупиться. Куда там! Записывайте, говорит, и меня! Желая, говорит, исполнить гражданский долг. Это плантатор-то! Вы можете себе представить? Вчера ещё бушевал, как Сатана, если ему кофе подали не того нагрёву или там бороду подстригли неровно, а тут нате – поехал гнуть спину на фронте, копать окопы или чем там занимаются, не знаю...

И ладно бы он один поехал – всяк белый человек себе хозяин. Да только он и сына прихватил, старшего, того самого Билли – из трёх сыновей он единственный в армию годился. Билли на войну не хотел, но беднягу никто не спрашивал.

Сели они с отцом, значит, в кибитку, приладили сзади

флаг да поехали воевать. Для нас, миста, это был истинный праздник. Даже не верилось, что этот Навуводоносер уехал. Эт за что ж такое счастье-то? Вы человек учёный – что на иных плантациях делается, не мне вам рассказывать, а хозяин был из тех самых плантаторов, из жестоких.

Только пыль за кибиткой осела, жизнь у нас по-новому пошла. Старому управляющему хозяйка дала расчёт, а на его место взяла какого-то городского модника. Хозяйка его интересовала до крайности, а вот плантация ему была до известного места, и все от нас отстали – работаете, мол, и ладно. Хорошее было время, да жаль, недолго...

Через полгода с войны возвращается Билли. Один, без отца. Целый-невредимый, но как будто немой. Говорить отказывается. А в сумке у него письмо от ихнего командира: так мол и так, сержант Джозеф Каннингем был убит на задании. Сына его, рядового Уильяма Каннингема, отправляем домой, потому как он нервически потрясённый и к несению службы непригоден.

Такие дела, миста.

Вы ещё не заскучали? Ежели я что излагаю, так неспроста, щас сами увидите. К фляжке вашей позвольте приложиться? Ай, спасибо.

Значится, Джозефа, хозяина нашего, на войне убили. Хозяйка как узнала, стала сама не своя. Человек он вообще-то был злой, холодный. Не только рабынь поколачивал, хозяйку тоже, когда думал, что никто не видит. Уж не знаю, какие

могли быть резоны любить Джозефа Каннингема – сдаётся мне, что никаких, – да только у бедной женщины всё в голове перепуталось.

Уйму денег она сразу в церковь отдала, чтобы там приладили табличку с их фамилией. Всё увешала мужниными картинками, даже статую ему у большого дома поставила, будто он президент был или пионер-первопроходец. Всем говорила, что муж её был лучший из людей, прям образчик мужа и отца. Хорош образчик! Ну, да оно понятно – мёртвого любить не штука, ты поди-ка его живым люби, когда он мельтешит у тебя перед глазами. А умер – так ряди во что хошь.

Теперь слушайте внимательно, миста. Чуть погода, значитса, пришла из армии посылка с вещами покойного Джозефа. Деревянный ящик такой, бечёвка, штемпель – чин по чину.

Значитса, что там лежало... Во-первых, бритва, ей ещё его деда Роджера брили. Карманные часы Джозефовы, серебряные. Трубка его, вычурная такая, с ангелом. И косточка... Как это по-научному... Ну, вот эта. Точно, миста – фаланга! Фаланга пальца, которым, значитса, сержант Каннингем нажимал на спуск винтовки, выполняя долг. Волосы и кости погибшего, понятно, идут на нужды родины: волосы на сукно для палаток, костная мука на хлеб. Короче говоря, ничего особенного. Особенное, миста, потом началось, да.

Эти вещи хозяйка раздала своим мальчишкам, как ей городские кумушки присоветовали – чтобы, мол, «продолжа-

ли традиции». Старший, Билли, получил бритву, средний, Фред, – трубку, а маленькому Джонасу дали часы, потому как в них попала пуля и они не ходили. Наверное, это та самая пуля, что хозяйина и прикончила. А кость пальца осталась у миссис.

Лежало бы всё это добро в комодке у хозяйки между веерами да щётками, ничего не случилось бы! Только что теперь об этом думать...

Позвольте ещё глоточек, миста, – сейчас самое оно и начнётся.

С кого начать-то? Видать, с Джонаса, с младшего. В общем, до того, как ему дали часы, парнишку считали недоделанным. Идиотом. Конечно, слово эт было запретное, да только запрещай – не запрещай, а он с детства был тупой и страшный: глаза пустые – смотришь в них всё равно что в лужу, рожа сикось-накось и говорит, как младенец, «ка-ка» да «пи-пи».

Если такой рождается у рабов, от него живо избавляются, ну а хозяину плантации каково иметь такого сына? Джентльмену! Он, может, и рад бы сплавить это недоразумение по реке, как младенца Моисея, да нельзя. Ну и рос мальчишка, как сорняк: слонялся по округе, бил посуду, пену изо рта пускал и всё служанок подлавливал. Выскочит из-за угла и кажет свой корешок – гляди, мол, девка, чего выросло.

Но что бы вы думали, миста? Как вручили ему часы, с ним прям чудо случилось, преобразование. Цельными днями он на

них пялился, – а они ведь даже не ходят, – пялился и шлёпал губами, будто разговаривал с ними. А потом и впрямь заговорил!

Вы так на меня не смотрите, миста – мои слова вам кто хошь подтвердит. Через месяц, самое большее, этот бывший идиот уже расхаживал по плантации и орал: «Прорыв! Атака! Пли!». Недели через две – заговорил связно! А вдобавок ещё как-то вытянулся, раздался в плечах, и сделался такой детина, какому никто не указ.

Хозяйка-то – бедная женщина, вот уж кто настрадался! – сперва всё радовалась. Ещё бы, сынишка исцелился, в разум вошёл. То-то было б радости отцу, жаль, не дожил. Да только очень скоро малыш Джонас уже гонял её по хозяйству, как рабыню, разве что не бил. Нового управляющего он выдернул из матушкиной постели, пинками выгнал за ворота и взял тут всё в свои руки. Ему ж четырнадцать лет всего было, но до того он стал здоровенный и жуткий, что никто слова поперёк не смел сказать. Даже взрослые белые мужики на него лишний раз глядеть боялись.

Страшное время пришло, миста. Работать заставляли ещё больше, чем раньше, а за любую малость били смертным боем.

Вдобавок Джонас игратья с нами стал. Ну вроде как солдатики мы игрушечные. То построит он нас перед домом и давай ходить вдоль ряда и бить по головам – прислушивался, у кого как черепушка звенит. То погонит наперегонки или

велит, чтоб дрались на кулаках.

Всех заново пересчитал, потом стал делить нас на сорта, как фрукты или овощи: на мужчин и женщин, потом на старых и молодых, на сильных и слабых, на спесивых и смиренных, и всё эт записывалось в отдельную книжку. Думать не хочу, что он собирался делать с нами дальше, если бы его не остановили. Но эт я уж вперёд забегаю.

Есть там у вас ещё настоечка, что ли? Премного благодарен, миста. Это ж всё на моих глазах творилось. Как вспомню, в дрожь бросает...

Так вот. Это, значит, младшенький. А среднему, Фреду, досталась отцовская трубка. Ох и красивая вещица, миста! Фигурка такая, ангел в белых одеждах, а на конце труба. Мне аж завидно было видеть хозяина с этой трубкой. Всё думал я, старый пень, вот если привалит вдруг счастье и стану свободным – из кожи вон вылезу, а найду где-нибудь мастера, чтобы вырезал мне такую же! Да...

И тут понимаете, какая штука: малыш Джонас, когда ему дали часы, обозлился как бы наружу, а Фред, наоборот, как бы внутрь.

Стал он уходить из дому почитай что каждый день, как петух пропоёт. Посылали за ним и находили: то он на краю обрыва сидит, трубкой пыхтит и пялится перед собой, то дерево ножичком режет, а бывало выроет ямку в земле, ляжет, обхватит себя руками и лежит – и дышит часто-часто, как сурок. Решили, что это он из-за отца переживает, да только

дело было куда серьёзнее.

Как умер хозяин, к Каннингемам стали часто заезжать с визитами. Что ни день – на тебе, прискакали, встречай их – угощай. Это уж как водится: если кто в семье нашёл вечный покой, так живых в покое не оставят, да.

Особливо часто заезжали Риверсы, с соседней плантации. Фред положил глаз на дочку ихнюю, Сэйди. Хорошая такая девчушка, тихая, не заносчивая, всегда с книжкой. И он ей тоже глянулся. Её вообще-то с Билли женитьба хотели, но Билли как с войны вернулся, носа за порог не казал, какая уж тут женитьба...

И вот уже Сэйди с Фредом стали убегать из дома, когда пешком, а когда на лошадях, и встречаться где-то в чистом поле. Можете представить, миста, что тут творилось: и дома-то их запирали, и слуг-то к ним приставляли, хоть бы хны. Оно и понятно: молодая кровь!

Но потом что-то между ними случилось – вроде как поспорились, и бегать друг к дружке перестали. А через недельку-другую Сэйди как-то вышла из дому и не вернулась. Подумали на Фреда – хватать! а его и след простыл.

И Риверсы, и Каннингемы всех на уши подняли, даже рабов, кого не боязно было на поиски послать. Я тоже искал.

Я их и нашёл, миста, нашёл обоих на третий день. Другие не подумали заглянуть в старый рудник – мол, не станут молодые господа спать на голом камне, не к тому они привыкли. Да и рудник далеко, подмётки стопчешь. А я вот не по-

ленился, пошёл туда на свою беду, да...

Такое, миста, не забывается. Такое в бутылке не утопишь. Вхожу я, значит, с фонарём, окликаю молодого хозяина и вижу: лежит он себе в углу пещеры, зверь зверем, рядом – костерок погасший и вертел, и на вертеле мясо. Миста Фред, говорю, шли бы вы домой, все ж беспокоятся. А где, спрашиваю, мисс Риверс?

А он достаёт револьвер – стащил у кого-то из наших ковбоев, – эдак им поигрывает и говорит... Спокойно так говорит... Упаси Господь такое услышать, миста.

«Не бойся, – говорит, – старик, чести я её не порушил. Сладко было отрезать от нее кусочек за кусочком, нежная на вкус была, а что не любила – так от этого только слаще. Жаль, это у меня в последний раз».

Слушаю его, а о чём толкует, не разберу. Я ж и подумать не мог, что мясо на вертеле это девочка Риверсов и есть! Он съел её, миста! Изжарил на костре и ел все эти три дня!

Стою я перед этим мальчишкой, и хоть живу дольше него в четыре раза, а страшно – смерть! А он затянулся напоследок из той самой отцовской трубки, револьвер поднял, ткнул себе в подбородок да и выстрелил. Я где стоял, там и рухнул, прям на камень.

Вот так-то, миста... Вот так-то...

Как с таким назад вернёшься? Я даже думал, бежать, что ли, на Север, но далеко не убегу, в мои-то годы. Как обратно шёл, не помню. Рассказал всё. Джонас меня выпороть велел,

да... Несколько дней я в хлеву лежал в лёжку, а врачевать меня запретили...

Там настоечка-то осталась ещё, миста? Спасибо...

Дослушайте, немного осталось.

В общем, схоронили Фреда в семейном мавзолее, не в земле. Побоялись, что родители девочки могилу осквернят. Священника пришлось аж из города выписывать, местный пастор мальчика отпевать отказался. Страшно сказать – людоед, и самоубийца к тому же... Трубку положили в гроб – все знали, что Фред с ней не расставался. Но спокойно ему там лежать было не суждено, и вовсе не из-за Риверсов, как можно было подумать.

Как Фреда схоронили, малыш Джонас вдруг притих, не видно его было день или два. А потом – что бы вы думали – нагрянул он в мавзолей, сторожа прогнал, а сам киркой расколотил плиту, открыл гроб собственного брата, да трубку эту проклятую с его тела и стащил.

Ну, тут уж самые твердолобые заподозрили, что дело нечисто.

Но вы помните, миста, что с войны прислали ещё палец, фалангу! Преподобный Риз, из тутошной церкви, выпросил эту фалангу у миссис Каннингем. Думается, обидно ему было, что в его церкви ни обломка ковчега, ни даже туфельки святого старца. А тут останки brave воина, уважаемого человека! Положили косточку в стеклянный ящик и на видное место в церкви поставили – чтоб, значит, всякий мог по-

любоваться.

И что бы вы думали? И с преподобным тоже... началось.

Человек он был вообще-то мирный, скромный, всё про жалостливое рассказывал и нашего брата-раба привечал. А тут его как подменили. В церкви стал всё больше про потоп, Содом с Гоморрой, казни египетские, побивание младенцев и ещё всякое сказывать, да такое жуткое – даже и не поверишь, что оно взаправду из Библии. Народ стал в церковь набиваться, как на праздник, даже под окнами толпились, слушали. Преподобный заважничал, ходит фатом, глаз блестит.

Но кости ему было мало. Удумал он и остальные вещи Каннингема заграбастать. Пришёл к хозяйке. Так, мол, и так, извольте отдать реликвии церкви, там они нужнее. Вы бы его видели – толкует о реликвиях, а у самого руки трясутся, как у пьяницы, который в баре кредит выпрашивает. А Джонас как услышал, что у него хотят часы с трубкой отнять, так и вышвырнул преподобного вон.

Ну, преподобный такого не стерпел. Да и как он мог стерпеть? Он же уже был того – тронутый, вещами-то этими.

На следующей мессе он стал прямо бушевать. Каннингемы впали в грех! Оскверняют память своего отца-героя! А если кто сомневается, что вещи Каннингема благодатные, то могут хоть щас прикоснуться к его мощам – к фаланге, то бишь – и убедиться.

Я своими ушами всё это слышал, миста, я там был! Я как раз оправился после той порки и решил сходить глянуть, что

там такое пастор людям говорит, что всем так невтерпёж послушать. Но трогать кость я не стал. Ну ж нет! Была б жива моя старуха, ей бы точно стало любопытно, а сам я не стал. Посмотрел на всё на это и ушёл подобру-поздорову.

А те, кто косточку-таки потрогал – то есть почитай все, кто был тогда в церкви – они как рехнулись. Преподобный велел им пойти к Каннингемам, да и отнять у них святыи вещи – трубку, бритву и часы. Слуги знали владения Каннингемов, у кое-кого были ключи от ворот. Да...

Это резня была, миста. Настоящая резня.

За преподобного пятьсот долларов посулили, за живого или мёртвого. Его потом в соседнем штате нашли. Сказывают, что он сидел в гостинице и, видите ли, писал письмо президенту. Требовал прислать батальон, чтобы отбить с плантации Каннингемов священные вещи и отправить нашим парням на фронт – они бы их трогали и зверели, чтобы лучше воевать, да.

А ещё писал – не может быть, чтобы благодать сошла только на вещи одного-единственного Джозефа Каннингема. Надо было разрывать могилы всех наших солдат, вытаскивать оттуда любые вещи и раздавать народу – авось ещё что-нибудь найдётся тоже священное. Он уж потом, в тюрьме, пришёл в себя и покаялся, но от петельки это его не спасло.

Ну а Билли... Малыш Джонас, бывший идиот, взял плантацию в свои руки, Фредди лежал в гробу, а о старшем сыне все подзабыли. Он как с войны вернулся, из дому почти не

выходил. Мы его толком и не видели, а если видели, то глазам не верили – призрак был, не человек.

В ту ночь, когда преподобный послал людей громить усадьбу, Билли на шум не вышел. И когда внизу дрались, не вышел, и даже когда какая-то шельма запалила шторы и начался пожар.

Оружия-то у них не было, шли с тем, что нашли по дороге: с ножичками, палками, дубинками. Вот с дубинкой Делайла и влезла к Билли в окно. Делайла прачкой была, ну и по этой самой части, когда хозяин был жив. Шибко набожная была, любила голосить псалмы по воскресеньям...

Комната Билли на третьем этаже большого дома, окошко – аккурат возле башенки, а на ту башенку при желании даже ребёнок может залезть. Билли как увидел, что Делайла лезет к нему в окно, так схватил со стола подсвечник, такой, знаете, со штырём посередине, да и засадил ей в глаз, она тут же и померла, в момент.

А потом... Не знаю, миста, как объяснить то, что он сделал, эт вы сами решайте. Он, значит, оставил мёртвую Делайлу где была, и пошёл в ванную на том же этаже. Взял отцовскую бритву и стал бриться. А как добрил, вытер лезвие об полотенце и стал скрести дальше – аж в дрожь бросает, как представляю, миста. Он всё мясо себе с лица соскоблил.

Когда за ним пришли, увидели, что зеркало разбито кулаком, и лежит этот несчастный, с месивом вместо лица, ревёт и плачет – не то от боли, не то от чего-то похуже...

Так вот дом Каннингемов и кончился. Джозефа убили на войне, Фред застрелился, Билли изуродовал себя и скоро загнетса. Что до малыша Джонаса, то у него отняли часы и трубку, он присмирел и снова стал мычать да бляеть. Эт и к лучшему – так и так он ничего хорошего не говорил. И это ещё не забыть бедняжку Сэйди Риверс, преподобного Риза и многих, кто погиб на плантации в ту жуткую ночь. Много зла случилось, много...

Я вам обещал мораль, миста, но вы, кажется, и без меня всё поняли. Слава Богу, людям хватило разумения оставить чёртовы вещи в покое. Мне поручили спрятать их, закопать – ведь я могильщик. Да и не соблазняют меня такие штуки.

Вот докопаю яму, сложу туда трубку, бритву, и часы, и палец, засыплю их землицей, разровняю и никому не скажу, где лежат.

И вы, миста, не говорите. Не надо.